

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

Весьма часто в этих надписях в роли организатора строительства выступает мужчина, причем предполагается, что и в будущем владельцами мавзолея будут его потомки по мужской линии. Так, согласно надписи CIS II, 197, мавзолей (קברא) строит 'Айду, сын Кухайлу, сына Алексия (אלכסי, ср. греч. Ἀλεξίς, напр. в PCZ 59008, 38) для себя, для детей своих и для потомков своих. Обращает на себя внимание счет родства по мужской линии, который предполагает, что и в будущем счет родства также будет вестись по мужской линии. В надписи CIS II, 196 говорится о постройке мавзолея (מקברתא) и двух поминальных памятников (נפשתא) над ним, которые были сооружены 'Абд'убадатом-стратегом (אסרתנא) для Айтибела-стратега, отца его, для Айтибела, начальника лагеря (רב משריתא), также, надо думать, члена семьи Айтибела-стратега, и для Абарты, сына 'Абд'убадата-стратега, строителя мавзолея. В надписи CIS II, 206 строителем мавзолея назван врач (אסיא) Калхан, сын Ва'лана; мавзолей построен для него самого, его детей и потомков. Малкион Патура (מלכיון פתורה) сооружает мавзолей над своим отцом-хилиархом (כלירכא) Хувайну Гефестином (חנינו הפסתיון); мавзолей предназначен также для погребения самого Малкиона, его детей и потомков (CIS II, 201). Согласно надписи CIS II, 209, разрешается производить в мавзолее захоронение потомков строителя мавзолея только по мужской линии.

Однако в надписях засвидетельствованы случаи, когда женщина выступает либо в роли строителя мавзолея, либо женщина (обычно сестра или дочь строителя) объявляется обладательницей права быть в нем погребенной. Так, согласно надписи CIS II 198, мавзолей (כפרא) построили Камкам, дочь Ва'лат, дочери Хураму и Кулайбат, дочь ее, для себя и своих потомков. Судя по тому, что в тексте засвидетельствована матрилинейная система исчисления предков, можно признать во всяком случае вероятным, что исчисление потомков также производилось по матрилинейной системе. В другом случае [CIS II, 223] речь идет о мавзолее, построенном Хинат, дочерью Вахабу, для себя, для своих детей и потомков. Об аналогичном факте сообщает и надпись CIS II, 224, согласно которой Хинат, дочь 'Абд'убадата, построила мавзолей для себя и для своих потомков. Эти довольно общие указания конкретизируются в надписи CIS II, 216, где речь идет о мавзолее, принадлежащем Шукайнат, дочери Марат из Мазны (מזניתא), ее сыновьям, ее дочерям и их потомкам. Женщины, имеющие право быть погребенными в мавзолее вместе со своими потомками, упоминаются неоднократно. В надписи CIS II, 213 говорится о том, что некий 'Абд'убадат построил мавзолей для себя, для своей дочери Ва'лат и ее потомства. Мавзолей, принадлежавший Шабайу, сыну Мукайлу, принадлежал и его дочери Нубайкат, а также их детям и наследникам (CIS II, 215). Наконец, мавзолей, построенный Хаушабу, сыном Бафиу, сына Алкуфа, происходящим из Теймы (תימניא), принадле-

жал не только ему и его детям, но и его матери, и, что особенно важно, его сестрам и их потомству (CIS II, 199).

Приведенный выше материал позволяет, как нам кажется, сделать следующие выводы. Наряду с патрилокальным браком в Набатее имел место и был широко распространен матрилокальный брак с генеалогией не по мужской, а по женской линии. Так как женщина могла играть решающую роль в строительстве мавзолея (что засвидетельствовано источниками) и так как мужья этих женщин в надписях вовсе не упоминаются, можно, как нам кажется, утверждать, что фактически и юридически главенство в таких семьях принадлежало женщинам. Однако было бы неправомерным утверждать, что тем или иным родам были свойственны только матрилокальные или только патрилокальные браки. Как правило, мы имеем дело с родами, в которых практиковались браки обоих типов: сыновья были участниками патрилокальных браков, тогда как дочери — участницами матрилокальных браков. Матрилокальность брака во всех этих случаях, несомненно, объясняется стремлением обеспечить целостность родового имущества, не допустить утраты какой-то его части, что было неизбежным при выдаче женщины замуж «на сторону». В особенности последнее обстоятельство было важно при отсутствии мужчин-наследников.

Мавзолеи представляли собой по общему правилу собственность строителя и его потомков. Представление о том, что гробница должна быть собственностью того лица, которое в ней погребено, или же собственностью рода, к которому умерший принадлежал, восходит, несомненно, к глубокой древности. Библейское предание, в котором нашли свое отражение общественные отношения второй половины II тыс. до н. э., рассказывает о том, что Авраам после смерти Сарры, будучи пришельцем в той стране, где он обитал, и не имея, следовательно, права на земельную собственность, приобрел специально для устройства погребения участок земли. Текст, в котором изложена эта легенда (Бытие, 23, 3—20), представляет несомненный интерес со многих точек зрения. Отвлекаясь в данном случае от процедуры продажи земли в собственность, что должно послужить предметом специального рассмотрения, отметим только ту настойчивость, с которой Авраам стремился не принимать земли в дар, но приобрести ее за деньги. Очевидно, только покупка земли в присутствии свидетелей и с санкции общины гарантировала ему право собственности на тот участок земли, где находилась гробница, и на самую гробницу (אֶרְצָתָא קְבָרָא).

В Набатее конца I в. до н. э. и в первые века нашей эры право собственности на гробницу не было уже связано с правом собственности на тот участок, где она находилась. Это явствует из того, что в ряде случаев мавзолеи строились коллективно, причем их владельцы явно не были родственниками. Так, в одной надписи, датированной 36 г. н. э. (CIS II, 214), зафиксирован раздел мавзолея между лицами, являвшимися уча-

стниками его строительства, очевидно пропорционально тем средствам, которые каждый из них вложил в постройку. Одна треть мавзолея принадлежала Анаму, сыну Газай'ат; владелицей других двух третей была Арсакса, дочь Тайму-стратега (אסרסא). В надписи устанавливаются точные границы обеих частей мавзолея. Примечательно, однако, что в надписи, о которой идет речь, ничего не говорится о разделе того участка земли, где мавзолей был построен. Если бы право собственности на мавзолей было сопряжено с правом собственности на определенный участок земли, то либо такие коллективные постройки вовсе не могли бы иметь места, либо в надписи было бы указано, как этот участок разделен между владельцами мавзолея. Вероятно, сказанное объясняется тем, что в Набатее интересующего нас времени погребение производилось не на родовых землях, как это было в Палестине конца II в. до н. э., а в специально отведенных для этой цели пунктах, где собственник (или собственники) мавзолея являлся в лучшем случае собственником только того небольшого клочка земли, который был непосредственно занят мавзолеем. В этом случае раздел земли был бы бессмысленным; более того, он уже был осуществлен разделом самого мавзолея.

Представляет интерес и то обстоятельство, что, согласно надписи CIS II, 205, в мавзолее могли быть погребены и лица, находившиеся в зависимости от строителя и его потомков (ג), не являвшиеся, однако, рабами этих последних. Правда, ближе характер этой зависимости установить не представляется возможным. Не исключено тем не менее, судя по этимологии термина ג, что в Набатее этим словом обозначались колонны.

Как и всякий объект собственности, мавзолей мог в принципе служить объектом разного рода сделок. Одна из таких сделок — передача мавзолея по дарственной записи — зафиксирована в надписи CIS II, 204. Согласно этому документу, некий Таймуллахи, сын Хамлата, соорудил мавзолей (כפרא) для себя и передал его в дар (יהב) жене своей Ама, дочери Галхаму, причем эта передача была скреплена особым документом, очевидно дарственной записью (מזהבתא), о составлении которой в надписи идет речь. Эта дарственная запись содержала, как показывает надпись, разрешение совершать в мавзолее все то, что Ама, дочь Галхаму, пожелает. Помимо самого факта дарения мавзолея, который иными набатейскими надписями, насколько нам известно, не засвидетельствован, примечательно здесь и то обстоятельство, что мавзолей передается жене строителя. Этот факт свидетельствует о том, что женщина в набатейской семье была экономически самостоятельной и могла иметь личную собственность, отделенную от собственности ее мужа.

Косвенно в пользу того, что мавзолей, как, очевидно, и любой другой вид собственности, мог быть объектом разного рода сделок, свидетельствует также тот факт, что авторы интересующих нас надписей не ограничиваются провозглашением своего права и права своих потомков на мавзолей. Особый интерес в этих документах представляют посвячитель-

Запретительные формулы наба

№ надписи (по CIS, II)	вводная формула	Запретительная				
		что запре				
		продажа	купля	заклад	наем	временное пользование
197	И проклянут Душара, и Манугу, и супруга его каждого, кто	продаст мавзолей этот	или кушит	или заложит	или отдаст в наем	
198	И проклянут Душара, и супруга его, (и) Аллат из Ам'ада, и его супруга того, кто	продаст мавзолей этот	или кто купит	или заложит		
199	И проклянет Душара каждого, кто	или продаст	или купит	или заложит	или отдаст в наем	
205	И установлено относительно Васуха и его дочерей этих и колон их (כרם) всех, мужчин и женщин, что они	не продадут		и не заложат		
208	На каждом человеке — на владельце по праву законного наследования (אצלה אנוש) и на наследнике (ורית), что	продаст мавзолей этот		и не заложит	и не отдаст в наем	и не отдаст во временное пользование
209	И не разрешено никому: ни Саайду и братьям его — мужчинам, ни сыновьям их, ни потомкам их, — чтобы	продавать мавзолей этот				
223	И не разрешено никому	продавать		закладывать	составлять запись на сдачу в наем на этот мавзолей	

ные формулы, в которых тщательно оговаривается то, чего нельзя делать будущим владельцам мавзолея. Как показывает публикуемая нами таблица, запреты могли быть двух типов: либо проклятия богов в адрес участников сделок, либо просто запреты. Последние, однако, в отличие от проклятий не оговаривают, что вполне естественно, действий лица, приобретающего мавзолей, но запрещают продавать и соответственно покупать (יזבן) мавзолей, закладывать его (ירהן или ימשכן), передавать его в дар (יתת) и сдавать в наем (יוגר)³ (ср. CIS II, 197, 198);

³ О значении корня см.: J. Cantincau. Le Nabatéen, I. Paris, 1930, p. 69.

тейских надгробных надписей

формула				
шается				
дар	противозаконное владение	составление надписи	вынесение трупа	захоронения против воли строителя
или подарит		или напишет над этим какую-либо надпись		или похоронит в нем кого-либо, кроме тех, о ком выше написано
или подарит его			или вынесет из него труп или кости	или кто похоронит в нем кого-либо, кроме Камкам, и ее дочерей и их потомков
или подарит	или возьмет в противозаконное владение			похоронит в мавзолее этом кого-либо, кроме тех, о ком выше написано
или писать дарственную, или иное для любого человека, за исключением того, если кто-нибудь напишет жене своей, или ее дочери, или тестю, или зятю запись на личное погребение		и не будет писать на мавзолее этом какую-либо надпись		

иногда к числу запретных действий относится удержание мавзолей в незаконном владении (נִזְנָה; CIS II, 199)⁴ и сдача во временное пользование (שָׂאֵל; CIS II, 206).

Эти запрещения интересны в двух отношениях. Они показывают, что при отсутствии этих оговорок потомки лица, строящего мавзолей, могли производить все названные выше операции, иначе сами отмеченные нами оговорки лишены смысла. Таким образом, в принципе эти операции допускались и могли иметь место. Каким могло быть реальное со-

⁴ Ср.: J. Cantinea u. Le Nabatéen, II, p. 65, — где есть и литература вопроса.

держание такого рода операций, не вполне ясно. Условно они могут быть разделены на три группы: приобретение в постоянную собственность (купля-продажа, дарение), приобретение во временное владение (сдача в наем, предоставление во временное пользование) и заклад. В первом случае, очевидно, речь могла идти о передаче мавзолея в собственность лицам, не являющимся потомками строителя усыпальницы. Эта операция должна была сопровождаться перезахоронением предков продавца (ср.: CIS II, 198, где этот случай специально оговорен), что и само по себе превращало указанный акт в сакральное преступление. Во втором случае речь могла идти о каких-то временных захоронениях. Наконец, заклад создавал реальную опасность утраты родовой собственности на мавзолей. Как видим, осуществление всех этих операций нарушало целостность и неприкосновенность мавзолея и связанных с ним захоронений либо влекло за собой угрозу статусу мавзолея. Их запрещение в каждом отдельном случае объясняется желанием превратить мавзолей в родовую усыпальницу, неотчуждаемую, неприкосновенную собственность потомков того лица, которое строит мавзолей.

Очень важно и перечисление этих сделок само по себе. Оно показывает, что набатейскому частному праву были знакомы следующие виды имущественных сделок: продажа, дарение, сдача в наем, предоставление во временное пользование (аналогию с этим составляет, возможно, суперфиций римского права) и заклад (רָהֵן и מִשְׁכָּן).⁵

Как общее правило, запрещается хоронить в мавзолеях тех лиц, которые не являются потомками строителя мавзолея, а также тех лиц, право которых на то, чтобы быть погребенными в мавзолее, в надписи специально не оговорено (CIS II, 197, 198, 199, 206, 207). Единственным исключением из этого правила является разрешение хоронить в родовом мавзолее тех лиц, которым право на такое погребение будет дано либо строителем мавзолея, либо теми, кому строитель мавзолея позволяет давать подобные разрешения. При этом право на погребение в мавзолее должно быть подтверждено документом, имеющим законную силу (כתב רַקְרָה или תַּקְפָּא), выданным строителем мавзолея либо уполномоченными им лицами (ср.: CIS II, 197, 198, 206, 207).

Среди тех лиц, которые имеют право быть погребенными в мавзолее, особое место занимают лица, обозначаемые термином אֲצַרֵּךְ — «законный наследник» (напр.: CIS II, 206), либо אֲצַרֵּךְ בְּאֲצַרֵּךְ — «законный наследник по праву законного наследования» (=имеющий право на наследование по закону; ср.: CIS II, 201, 206, 207, 208, 209, 210, 213, 219). В литературе термин אֲצַרֵּךְ рассматривается обычно как имя, образующееся с префиксом אֲ- (вероятно, тип 'aḫṭalu) и обнаруживающее по своей форме явное

⁵ J. Cantineau (Le Nabatéen, p. 146) видит в רָהֵן арабский эквивалент (دهن) арамейскому מִשְׁכָּן. Суперфиций по римскому праву — это наследственное и отчуждаемое право пользоваться за вознаграждение строением на чужом участке (ср.: И. Б. Н о в и ц к и й. Римское частное право. М., 1948, стр. 96).

арабское, быть может лихьянское, влияние.⁶ То обстоятельство, что эти «законные наследники» упоминаются в интересующих нас надписях одновременно с упоминанием потомков строителя мавзолея, показывает, по нашему мнению, что набатейское право знало передачу по наследству того или иного имущества лицам, не являвшимся детьми или внуками завещателя. Однако более подробными сведениями по этому вопросу мы не располагаем.

В ряде случаев мавзолеем, о котором идет речь, объявляется «священным» (קדש, ср.: CIS II, 197, 199, 206), причем делается ссылка на характерные особенности объявления «священным» (בהליות קדש)⁷ у набатеев и саламиев, однако ближе нам не известные. Определенно можно утверждать только, что объявление того или иного предмета קדש делало его неприкосновенным и ставило его в своеобразное правовое положение. Быть может, этот акт был связан с посвящением данного предмета божеству (намек на это обстоятельство имеется в CIS II, 206, где состояние קדש, соотв. קדש, связано с посвящением божеству Душаре). В соответствии с этим в надписях содержатся формулы, угрожающие гневом божества каждому, кто нарушит волю строителя мавзолея. Объявление мавзолея קדш имело своей целью, очевидно, обеспечить ему покровительство и защиту храма Душары или иного божества.

В связи с этим представляет значительный интерес вопрос о денежных штрафах, налагавшихся за нарушение воли строителя мавзолея (ср.: CIS II, 198, 200, 208, 209, 213, 214, 217, 224). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что размеры штрафа колеблются от 500 до 2000 драхм; таким образом, раз навсегда определенной, фиксированной законом суммы штрафа не было. Она зависела от воли строителя надписи. Кроме того, штраф вносился либо в храм и царскую казну (в этом случае, как правило, равными долями по 1000 драхм), либо одному из этих адресатов (в этом случае обычно 1000 драхм). Сказанное свидетельствует, что государственная власть и храм могли выступать в роли гарантов целостности мавзолея либо совместно, либо порознь. Есть основания полагать, что этот обычай был широко распространен в Сирии в первые века нашей эры. Значительный интерес в этой связи представляет опубликованная В. Г. Ваддингтоном надгробная надпись, выполненная на латинском языке и происходящая из Берита. Здесь мы встречаем следующую формулу: «Кто это (погребение, — И. Ш.) вскроет и захоронит другого, (должен, — И. Ш.) отдать в казну Цезаря три тысячи денариев» (qui ea aperuerit a[liu]tve corpus induxerit, dare fisco Caesaris tria millia d[enarium] nummum).⁸ Примечательно, однако, что в собственно финикийских надгро-

⁶ Ср.: J. Cantineau, Le Nabatéen, I, p. 88; II, p. 139.

⁷ О толковании слова קדש, восходящего, очевидно, к арабскому خليفة («прав, характер»); ср.: J. Cantineau, Le Nabatéen, II, p. 97.

⁸ Ph. le Bas, W. H. Waddington. Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Paris, 1870, III, № 1847B.

биях эллинистического времени из Сидона (надписи Табнита и Эшмуназара) указания на подобного рода санкции отсутствуют. Не исключено, следовательно, что в данном случае мы имеем дело с распространением на территории Сирии набатейского обычая. Это тем более вероятно, что власть набатейских царей в I в. н. э. распространялась и на собственно Сирию, отражение чего имеется, как известно, в новозаветной литературе (II Кор. 2, 32). Кто будет гарантом целостности мавзолея — это в каждом отдельном случае определялось, видимо, конкретными условиями, в которых происходила постройка мавзолея. Какого-либо единого правила на этот счет, очевидно, не было, и законодательством этот вопрос, надо полагать, не регулировался.

I. Sh. Shifman

TO THE CHARACTERISTIC OF THE NABATAEAN
PRIVATE LAW ACCORDING THE EPIGRAPHIC SOURCES

The Nabataean funerary inscriptions of the I century mainly from Hegra mention following private operations — sale, grant, hire, temporary use (perhaps analogous to the Roman *superfitium*) and bond. In the inscriptions dealt in the article there are indications on patrilocal and matrilocal marriages among the Nabataeans.
